

А.Б. АСТАШОВ

НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ НА РУССКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии)

Военные конфликты всегда сопровождаются жестокостями как по отношению к противнику, так и по отношению к мирному населению¹. Но Первая мировая война была первым крупным военным столкновением, в котором тема военных преступлений (“зверств врага”) широко разрабатывалась в пропаганде. Это было вызвано участием в войне миллионов гражданских людей (по сравнению с профессиональными армиями обычного времени), впервые получивших в руки оружие и возможность действовать в соответствии с военной необходимостью и нуждавшихся в мотивации своей борьбы, превратившей их мирный труд. В обосновании “зверств врага” немалую роль играли и официальные данные о жестокостях противника как противоречивших принятым нормам и обычаям ведения войны, утвержденным соответствующими положениями международного права. Если описание “зверств врага” в пропаганде воюющих стран на Западном фронте Первой мировой войны анализируется историками как часть проблемы военного насилия², то действия России в этой связи рассматриваются в общем плане “преступлений империализма”; специальному исследованию эта тема не подвергалась³.

Статья имеет целью частично ликвидировать этот пробел; она написана на ранее не использованных материалах Российского государственного военно-исторического архива и опубликованных документах Чрезвычайной следственной комиссией (ЧСК). В центре внимания автора – история возникновения, анализ основных видов работы этой комиссии и эффективности ее деятельности в деле психологической мобилизации страны на борьбу с врагом и военной пропаганде.

С начала Первой мировой войны на разных фронтах проявились свои особенности идеологического обеспечения. В странах Антанты оправданием участия миллионов людей в кровавых боевых действиях стало “вероломное нападение” на Бельгию и “зверства”, совершенные германскими войсками по отношению к мирному населению Бельгии и Франции. Пропагандистская кампания союзников по разоблачению “зверств врага” отличалась наступательным характером, чему способствовала “свободная пресса”, имевшая опыт по мобилизации общественного мнения в многочисленных конфликтах рубежа XIX–XX вв. Заметную роль в этой пропаганде играли комиссии по разоблачению “зверств” Германии и ее сателлитов, возникшие в начале войны в Англии⁴,

Асташов Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ.

¹ *Fischer W. Kriegsgreuel aller Zeiten. Stuttgart, 1905; Fischer W. Die Greuel des russisch-japanischen Krieges. Stuttgart, 1906; Read J.M. Atrocity Propaganda, 1914–1919, New Haven, 1941, p. 22–23.*

² *Read J.M. Op. cit.; Mannheim H. War and crime. London, 1941.*

³ *Михайлович З.З., Полянская Л.И. Зверства немцев в войну 1914–1918. Л., 1943.; Ромашкин П.С. Военные преступления империализма. М., 1953.*

⁴ The Committee on Alleged German Outrages (“Bryce Committee”), образована 15 сентября 1914 г.

Франции⁵, Бельгии⁶, Сербии и других странах. Наряду с пропагандой, рассчитанной на собственные армии и население, комиссии имели целью воздействовать на общественное мнение нейтральных стран (Швейцарии, Швеции) и государств, позже вступивших в войну (Болгарии, Румынии, США).

Авторитетность комиссий подкреплялась гласностью, составом, включавшим видных юристов, известных общественных деятелей. Особенно мощной была вторая после начала войны волна разоблачения “вражеских зверств”. Она имела целью нейтрализовать широко распространившиеся пацифистские настроения периода рождественских братаний рождественской “Святой ночи” 1915 г.⁷

Весной 1915 г. появились документальные отчеты комиссий о жестокостях армий стран Центрального блока по отношению к Антанте⁸. “Пропаганда зверств”, таким образом, становилась неотъемлемой частью психологии “большой войны”.

Комиссии по “зверствам” были созданы и в странах Центрального блока: Германии⁹, Австро-Венгрии¹⁰, Болгарии (по “зверствам” со стороны Румынии)¹¹. В Германии были свои особенности ведения пропагандистской войны. Сначала немцы заявляли, что они вообще не нуждаются в “пропаганде зверств”, поскольку это могло бы парализовать дух немецкого народа, “сражающегося в полном окружении”. Настаивая на идеалистических мотивах своей борьбы, в германском большом генеральном штабе утверждали, что армия “слишком горда, чтобы трубить о своей неспособности защитить немецкий народ от зверств со стороны врага”. Германские публицисты делали упор на немецкой национальной психологии, не в традициях которой показом зверств вызывать жалость, особенно у населения нейтральных стран. Немецкая пропаганда взяла на вооружение лозунг “Никто не может причинить нам боль!”. Германская комиссия о жестокостях имела целью не пропаганду, нацеленную на армию, население или нейтральные страны, а решение дипломатической задачи – дать ответ на обвинения в жестокостях, допущенных немцами.

По мере затягивания войны немцы стали шире писать о “зверствах” противника: борьбе партизан и мирных жителей (включая женщин и детей) Бельгии против германской армии; жестоких налетах английской авиации, подвергавших бомбежкам христианские соборы в Германии¹². В материалах германской комиссии “зверства” русских в Восточной Пруссии и Польше трактовались как проявление “дикости, скотства, вандализма и варварства” “азиатов-москвитов”¹³. Сообщениями о “звер-

⁵ Commission instituée en vue de constater les actes commis par l'ennemi en violation du droit des gens, образована 23 сентября 1914 г.

⁶ Commission d'enquête, instituée par le gouvernement belge sur la violation des règles du droit des gens, des lois et des coutumes de la guerre, образована 8 августа 1914 г.

⁷ Weintraub S. Silent Night: The Story of the World War I Christmas Truce. New York, 2001.

⁸ Les atrocités allemandes en Belgique: recueil des rapports officiels et in-extenso présentés à M. Carton de Wiart, ministre de la justice du Royaume de Belgique, par la Commission d'enquête, instituée par le gouvernement belge sur la violation des règles du droit des gens, des lois et des coutumes de la guerre. Paris, 1914; Report of the Committee on Alleged German Outrages. London, 1915; Rapports et procès verbaux d'enquête de la commission instituée en vue de constater les actes commis par l'ennemi en violation du droit des gens. Paris, t. I, II. 1915; Организованные преступления Германской армии. Официальный доклад особой правительственной комиссии, производившей следствие о преступлениях против обычного права, совершенных германской армией на территории временно занятых ей департаментов северо-восточной Франции. Пг., 1915.

⁹ Militäruntersuchungsstelle für Kriegsrechtsverletzungen, образована 19 октября 1914 г.; Read J.M. Op. cit., p. 67.

¹⁰ Комиссия существовала как отдел МИД. – Read J.M. Op. cit., p. 65, 114, 118.

¹¹ Read J.M. Op. cit., p. 118–119.

¹² Ibid., p. 89, 108–109, 133.

¹³ Germany, Auswärtiges Amt, Greuelthaten russischer Truppen gegen deutsche Zivilpersonen und deutsche Kriegsgefangene. Berlin, 1915; Memorial on Atrocities Committed by Russian Troops upon German Inhabitants and German Prisoners. Berlin, 1915; Read J.M. Op. cit., p. 16, 49, 63, 113–115, 117, 148, 218.

ствах” казаков в Галиции пестрели отчеты министерства иностранных дел Австро-Венгрии¹⁴.

В России пропаганда “зверств” имела несколько этапов. Уже в начале войны на волне “патриотизма”, охватившего главным образом средние городские слои, в газетах “Русское слово”, “Биржевые ведомости”, “Столичная молва” появились сообщения о жестоком обращении с русскими, застигнутыми войной на территории Германии. Немцы обвинялись в оскорблении общественной морали, издевательствах над русскими туристами, незаконном лишении свободы русских подданных, в обыскивании и разведении немецкими офицерами “интеллигентных” женщин. Немцам инкриминировали “зверства в Калише” с пальбой из пушек по городу, захватом заложников, растлении и изнасиловании “дочерей польской знати” и монашек “в монастырских подвалах во время оргий”¹⁵.

24 августа 1914 г. (все специально неоговоренные даты даются по старому стилю. – *А.А.*) появилось официальное сообщение правительства России о жестоком обращении в отношении русских в Германии. Местные власти регистрировали жестокости со стороны противника в прифронтовых районах без указания частей противника. Материальные убытки давались безотносительно к тому, являлись ли они следствием прямых действий противника или боевых операций обеих сторон¹⁶. В целом картина “зверств” из печати и правительственных источников в течение первых месяцев войны имела отрывочный и неполный характер.

Серьезно запаздывала Россия и с созданием комиссии по расследованию нарушений законов войны. В качестве мотивации борьбы против Германии, Австро-Венгрии и Турции в России считали достаточной пропаганду “освобождения славян”, которая в начале войны была широко поставлена и, как казалось, приносила свои плоды, что было подкреплено военными успехами русской армии – занятием Восточной Галиции. Затягивание с созданием комиссии было вызвано также и надеждами на скорый сепаратный мир, что делало ненужным перевод в юридическую плоскость претензий к противнику. Эти соображения могли разделяться определенными кругами и в России и в Германии: в конце 1914 г. в Берлине обсуждался вопрос о возможности сепаратных контактов с Россией¹⁷. Однако к весне 1915 г. в России возникли весомые причины создания комиссии по “зверствам врага”.

С затягиванием войны эффективность русской “славянской пропаганды” стала снижаться¹⁸. Нараставшая моральная усталость русской армии, рост количества солдат, сдавшихся в плен противнику, поставили вопрос о расширении методов военной пропаганды, включая и разворачивание “кампаний ненависти” к врагу. Тем более что комиссии по “зверствам врага”, созданные на Западе, весной 1915 г. опубликовали доклады о “зверствах” немцев.

Как писал в обращении к Главковерху товарищ председателя Государственной думы А.Д. Протопопов, Россия в качестве главного автора Гаагской конвенции 1907 г.

¹⁴ Austria-Hungary, Ministerium des Ässern, Sammlung von Nachweisen für die Verletzungen des Völkerrechtes durch die mit Österreich-Ungarn kriegführenden Staaten. Vienna, 1915; *Read J.M.* Op. cit., p. 49, 63, 112, 115, 148.

¹⁵ Германские зверства. Библиотека европейской войны. Одесса. 1914, № 4. с.4–7, 12–14; Кровавые рыцари. Правдивый очерк по показанию потерпевших и со слов очевидцев. Пг., 1914.

¹⁶ *Эгерт В.П.* Чрезвычайная следственная комиссия о преступных действиях неприятеля в войну. Пг., 1914, с. 7.

¹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2005, оп. 1, д. 29, л. 8; *Шацлло В.К.* Российская империя в планах военно-политической элиты (конец 1914–1915 гг.). – Первая мировая война. Версальская система и современность: сб. статей. СПб., 2012, с. 33–34.

¹⁸ *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой Мировой войны. М., 2000; *Асташов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012, с. 9–42.

должна была бы одной из первых поставить вопрос о нарушениях норм международного права, когда “гуманные и справедливые постановления этой конвенции попираются самым циническим образом”. Это “вопрос чести и достоинства России, не говоря о многочисленных последствиях на практике. Среди таких последствий были невозможность использовать в пропаганде ссылки на жестокости, совершенные противником, без доказательной базы, добытой в рамках формальных следственных мероприятий”. Еще в более плохом положении, “и притом бесповоротно”, могла оказаться Россия “на послевоенных международных конгрессах и конференциях, не имея документов авторитетного следствия о нарушениях прав граждан и страны в целом при праве контрибуции или предъявлении претензий о возмещении понесенных убытков отдельными гражданами. Материалы следствия могли бы стать базой для возбуждения следствия против военных преступников, оказавшихся в русском плену, а также для предостережения будущим нарушителям законов и обычаев войны”¹⁹.

Необходимость создания в России комиссии “по зверствам врага” обострилась весной 1915 г., когда на фронте участились проявления таких жестокостей, как истязания пленных, применение разрывных пуль, расстрелы за распространение подрывных листовок. В руководстве русской армии обсуждалось, применять ли репрессии в отношении пленных в качестве наказания. За это выступал Главковерх Николай Николаевич и начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандующего (ВГК) генерал Н.Н. Янушкевич. Однако репрессии против пленных могли привести к эскалации взаимных обвинений в нарушении правил и обычаев ведения войны, стремлению к возмездию или даже личной мести. Другая точка зрения сводилась к попытке урегулирования проблемы в рамках специальной юридической комиссии: ее поддерживали некоторые генералы Ставки ВГК, начальник штаба Юго-Западного фронта М.В. Алексеев, представители министерства иностранных дел и Государственной Думы²⁰.

Инициативу в разработке положения о Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) взяло на себя министерство иностранных дел. Проект был направлен на одобрение штаба ВГК и с подачи министра юстиции внесен на рассмотрение Совета Министров. 9 апреля 1915 г. законопроект, доработанный в рамках Межведомственного совещания с участием представителей Государственной Думы, по докладу Совета Министров был Высочайше утвержден. Начавшая свою работу 4 мая 1915 г. Комиссия получила название Чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками, а с 9 ноября 1915 г. это название было дополнено словами “и войсками, действующими в союзе с Германией и Австро-Венгрией”²¹.

ЧСК включала Первоприсутствующего (председателя) из Сената и 7 членов: одного от Государственного совета по выборам, одного от Государственной Думы, по два от военной и гражданской юстиции, одного от министерства иностранных дел. Состав ЧСК, подбиравшийся лично министром юстиции И.Г. Щегловитовым²², был

¹⁹ РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 29, л. 7–7об.; *Эгерт В.П.* Указ. соч., с. 9, 30–31.

²⁰ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 9, л. 2, 5, 10, 11, 12об., 19, 14–14об., 15.

²¹ Обзор действий Чрезвычайной Следственной Комиссии. С 29 апреля 1915 г. по 1 января 1916 г. Т. 1. Пг., 1916 (далее – Обзор); Собрание узаконений и распоряжений правительства от 27 ноября 1915 г. № 340, ст. 2518; РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 29, л. 4–4об., 7–9; ф. 13159, оп. 7, д. 205, л. 17–17об.

²² Председателем комиссии был назначен сенатор А.Н. Кривцов. В комиссию вошли: от Госсовета по выборам – И.А. Шебеко, от Государственной Думы – Е.П. Ковалевский, от гражданского судебного ведомства – член Петроградской судебной палаты В.Д. Олышев и судебный следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда Н.А. Машкевич, от военной юстиции – судья Одесского военно-окружного суда генерал-майор А.И. Семашко и постоянный член Главного военного суда генерал-лейтенант С.Ф. Креховецкий-Ющенко, от министерства иностранных дел – прикомандированный к дипломатической канцелярии при штабе Верховного Главнокомандующего С.Д. Боткин. – Обзор. Т. 1, с. V; РГВИА, ф. 13159, оп. 7, д. 204, л. 4–5а об.

бюрократическим. Среди членов ЧСК не было влиятельных общественных деятелей (не считая Е.П. Ковалевского), известных адвокатов, крупных ученых²³. Попытки наладить сотрудничество с аналогичными комиссиями и общественными деятелями других стран, представлявшими нейтральную сторону (например, с профессором Лозаннского университета А. Рейссом, расследовавшим нарушения австро-германцев на Сербском фронте) были отвергнуты²⁴.

ЧСК имела три делопроизводства: 1-е делопроизводство, насчитывавшее 4 отдела, занималось расследованием нарушений по отношению к военнослужащим русской армии: отдел “А” – преступления против войск на поле боя (употребление разрывных пуль, зажигательных бомб, удушливых газов); отдел “Б” – против войск после боя (добивание раненных или неказание им помощи, мародерство), отдел “В” – “зверства” в отношении к военнопленным, отдел “Г” – случаи преступлений в зоне боевых действий (отравление колодцев, сбрасывание отравленных предметов). 2-е делопроизводство расследовало нарушения Женевской конвенции 1906 г. (в отношении к санитарным учреждениям). 3-е делопроизводство занималось преступлениями против мирного населения: отдел “А” – в отношении отдельных мирных жителей, отдел “Б” – в отношении общественной безопасности (бомбежки, грабежи, оскорбление святынь). В декабре 1915 г. на комиссию было возложено опровержение выдвигаемых пропагандой противника “ложных обвинений” русской армии в совершении ею военных преступлений. Но эта функция не была отражена ни в названии комиссии, ни в ее структуре²⁵.

Главным в работе ЧСК были сбор и обнародование сведений о военных преступлениях противника. Эти данные должны были поступать от военных чинов, представителей военной и гражданской властей, из министерства иностранных дел, от персонала лечебных заведений, духовенства, из органов печати или по личным заявлениям граждан²⁶. Уже на этапе сбора сведений возникли серьезные трудности. В армии не спешили предоставлять такие материалы, ссылаясь на секретность, а главное – не совсем доверяя комиссии, которая порою проявляла пацифизм, ставя на одну доску любые нарушения законов и обычаев войны, даже со стороны русской армии²⁷. В целом же сбор сведений из армии имел случайный характер. Основным источником материалов о военных преступлениях стала печать, которая черпала эти сведения из армейских официальных источников. Получалось, что ЧСК расследовала достоверность сведений, полученных из печати, а значит из армии. Часто такие расследования приводили к развалу дел о “зверствах” врага: экспертиза университетских лабораторий не обнаруживала повреждений тел убитых, указывающих на издевательства над трупами²⁸; “баллоны с отравляющим газом” на поверку оказывались начинены светильным газом для прожекторов²⁹; “отравленные” конфеты и чеснок, сбрасывавшиеся самолетами противника, в результате химической, бактериологической и экспериментальной (на животных) экспертизы “не обнаруживали действия вредных веществ”³⁰; захва-

²³ Некоторые из членов комиссии были хорошо известны за рубежом, но как представители или министерства народного образования (Ковалевский) или же по дипломатической линии (Боткин). – РГВИА, ф. 13159, оп. 7, д. 204, л. 31–44, 47–54об., 58–63, 66–89, 115–122, 125–131, 136–145, 148–155.

²⁴ Report upon the atrocities committed by the Austro-Hungarian army during the first invasion of Serbia by Rodolphe Archibald Reiss. London, 1916; РГВИА, ф. 13159, оп. 7, д. 205, л. 33–34, 53–56.

²⁵ РГВИА, ф. 13159, оп. 7, д. 205, л. 29–32; Обзор, Т. 1., с. VI.

²⁶ Там же, с. II.

²⁷ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1526, оп. 1, л. 239; ф. 2003, оп. 2, д. 9, л. 107–107об.; ф. 13159, оп. 6, д. 1892, л. 19–21.

²⁸ Там же, ф. 2067, оп. 1, д. 2916, л. 43, 56, л. 114–115.

²⁹ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1526, л. 60, 67, 68.

³⁰ “Вечернее время”, 3.X.1916 г.; РГВИА, ф. 13159, оп. 7, д. 112, л. 1–2, 4–7об., 14, 18–18об.

ченный у австрийского санитаря “прибор для добывания раненых” оказался простым запалом³¹; обстрел в Минске приюта для детей беженцев был на самом деле дуэлью между противоздушной обороной Минска и немецкими самолетами, совершенно не затронувшей жилых кварталов³². Ряд сообщений о “зверствах” на фронте поступали от неуравновешенных лиц, оказавшихся в тяжелом боевом стрессе. Так, один “очевидец” рассказывал, что в русскую девушку-санитарку, нагую и привязанную к дереву, 11 немецких солдат вместе с офицером метали ножи. При этом в глазу девушки торчал кинжал, а вражеский солдат натирал ее раны солью. Рассказ заканчивался чудесным спасением девушки и расстрелом ее мучителей. Такие “свидетельства очевидцев” опровергались командованием, о чем сообщалось в печати³³.

ЧСК получала также данные от раненых и беженцев в лазаретах, больницах и лагерях для беженцев. Широко использовались данные о положении военнопленных от них самих, когда они возвращались в качестве инвалидов, или бежали из плена. ЧСК пыталась получить показания и от военнопленных вражеских армий – главным образом славян. Но дело упиралось в “крайне поверхностное отношение чинов полиции” и даже прокуроров судебных палат к дополнительным для их основной работы обязанностям. Такие материалы оценивались как “скудные”, а пленные обычно заявляли, что не были свидетелями каких-либо нарушений³⁴. Ряд доказательств комиссия пыталась получить из захваченных у противника документов. Но исследование документов из московского Общего архива, где хранились трофейные материалы, не добавило новых сведений о “зверствах” врага³⁵.

Нет среди материалов ЧСК и убедительных данных, впечатляющих фотоснимков из периодической печати противника, свидетельствующих о нарушениях законов и обычаях войны³⁶. Ряд сведений ЧСК получала из обзоров иностранной печати, подготовленных в иностранном отделе Главного управления по делам печати министерства внутренних дел. Однако министр внутренних дел указывал, что выявление этим ведомством из ежедневных обзоров иностранной прессы фактов нарушения законов “очень дорого стоит”³⁷.

Трудно было идентифицировать и нападения на учреждения Красного креста; о таких случаях докладывалось лично Николаю II³⁸. Сведения об этом часто поступали, в сущности, от гражданских лиц, впервые оказавшихся в зоне обстрела, и им казалось, что именно против них ведется обстрел. Запросы ЧСК об обстреле санитарных учреждений поступали в Красный Крест, но он давал опровержения³⁹. Еще труднее было расследовать преступления в отношении гражданского населения; сведения об этом поступали от третьих лиц и по истечении месяцев или даже лет.

Добытый материал вносился на обсуждение в заседание комиссии и “подвергался тщательному расследованию”. Однако в тщательности расследования можно усомниться, учитывая количество рассматриваемых в комиссии дел – 100–300 дел за одно заседание. Впрочем, большинство рассматриваемых дел являлись короткими выписками из сообщений с мест о “преступлениях” противника с краткой заметкой: принято к сведению. Расследования по таким делам, в сущности, было невозможно провести, так как большинство свидетелей (врачи в госпиталях, вылеченные больные, или бе-

³¹ РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1227, л. 31–31об., 151, 152; ф. 13159, оп. 1, д. 1539, л. 2, 3, 14–14об., 18, 21–31об.

³² Там же, ф. 13159, оп. 4, д. 1185, л. 4, 5–5об., 7–7об., 9–15, 17.

³³ Там же, ф. 12651, оп. 1, д. 1173, л. 160–160об., 169–169об., 213–213об., 242, 284–284об., 304–304об.

³⁴ Там же, ф. 13159, оп. 6, д. 1825, л. 8; оп. 7, д. 116, л. 17–19об.; д. 119, л. 6, 26.

³⁵ Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 9, л. 33об., 35.

³⁶ Там же, ф. 13159, оп. 6, д. 1892, л. 8об.–9.

³⁷ Там же, оп. 7, д. 116, л. 21–21об.

³⁸ Там же, ф. 12651, оп. 1, д. 1531, л. 3, 85.

³⁹ Там же, л. 45, 135, 171об., 310–310об.; д. 1173, л. 279–279об., 295–295об., 43–43об.

женцы) были недостижимы. Да и архивные дела по таким вопросам насчитывали всего 2–5 листов, но при этом они попадали в общую статистику, свидетельствующую о количестве определенных видов “зверств”. Следствия по делам, если удавалось обнаружить свидетелей, сводились к даче показаний под присягой в присутствии священника, получавшего за такую процедуру 3–5 рублей. Небольшие суммы выплачивались врачам и фотографам, участвовавшим в экспертизе, производившейся местными органами власти при наличии соответствующих инструментов, и хотя и по запросу, но без участия самих представителей ЧСК⁴⁰.

Формально работа ЧСК отличалась высоким уровнем отчетности о проделанной работе. Уже к концу ноября 1915 г. было допрошено 2494 свидетеля, которые оставили 6489 страниц протоколов. Правда, в отчетах применялась разная формулировка действий с “делами” и “случаями”, которые были “разработаны”, “рассмотрены”, “разобраны”, что отражало недостаточную ясность самой работы комиссии как следственного органа. В опубликованных материалах, составленных до 1 января 1916 г. говорилось, что ЧСК “расследовала” 7413 случаев. По 1-й группе – 6044 случая, из которых во время боя – 5021, после боя (но на поле боя) – 658, после боя вне поля боя – 305. По 2-й группе было 684 случая, и по 3-й – 685. По отчету за период с 1 января по 1 июля 1916 г. ЧСК отчиталось в “расследовании” 3894 случаев военных преступлений: 2763 – по 1-й группе, 430 – по 2-й и 701 – по 3-й. Всего же на 1 июля 1916 г. было “расследовано” 11307 случаев: по 1-й группе – 8807, по 2-й – 1114, по 3-й – 1386. Это составляло в среднем свыше 200 случаев за неделю. Если экстраполировать эти цифры на срок активного действия комиссии до конца 1917 г., то можно сказать, что всего ЧСК за время своего существования рассмотрела около 15–20 тыс. случаев военных преступлений. 64% случаев составляло применение разрывных пуль, что фиксировалось показаниями фронтовых врачей. Второй по величине группой были данные о нарушениях против военнопленных; на 1 июля 1916 г. было допрошено 6375 инвалидов и 1586 бежавших из плена⁴¹.

Главным в деятельности комиссии стало издание ее трудов. Это было важно “для правильного освещения войны”; “влияния на общественное мнение, укрепления сознания недопустимости преждевременного мира с Германией и ее союзниками”; разоблачения “обмана”; для распространения информации в нейтральных государствах, “слишком односторонне осведомленных”⁴².

Посол России во Франции С.Д. Сазонов просил председателя ЧСК А.Н. Кривцова как можно быстрее опубликовать сводку нарушений со стороны противника, “ибо в глазах нейтральных правительств и общественного мнения, документ, исходящий от ЧСК, несомненно, представлял бы несравненно больший вес и значение как обеспечивающий полное беспристрастие”⁴³.

В ноябре 1915 г. в ЧСК было решено издать сборник материалов, “основанных на бесспорно установленных данных”. Публикации ЧСК, начавшие выходить с весны 1916 г., состояли из “материалов” (“трудов”, 45 выпусков с пропусками), специальных тематических подборок “для армии и народа” (“Из жизни наших героев воинов”, 5 книжек по 300 тыс. экземпляров каждая) и официальных отчетов комиссии в виде “обзоров” (2 тома за период до июля 1916 г.), изданных на начало 1917 г. тиражом 3 млн. экземпляров⁴⁴.

В России материалы ЧСК рассылались правительственным учреждениям, для армии – через штабы, а для населения – через газеты, начальство губерний и областей, земские управы, директоров народных училищ, учебные заведения, епархиальные

⁴⁰ Обзор. Т. 1, с. III; РГВИА, ф. 13159, оп. 6, д. 1803, л. 31–34об., 38об., 39об., 44, 79об., 81, 93об., 98об.

⁴¹ Обзор. Т. 2, с. I; РГВИА, ф. 13159, оп. 6, д. 1804, л. 11; д. 1892, л. 8.

⁴² Обзор. Т. 1, с. VI–VII.

⁴³ РГВИА, ф. 13159, оп. 7, д. 116, л. 15–15об.

⁴⁴ Там же, оп. 6, д. 1804, л. 1; Обзор. Т. 1, с. V; Обзор. Т. 2, с. II.

училищные советы и православные приходы. Все материалы ЧСК переводились на основные европейские языки. Издания широко распространялись за рубежом среди глав государств, членов парламентов, министров, глав местных администраций, ученых, общественных организаций, публицистов Европы, Северной и Южной Америки, а также Японии и Китая. В распространении трудов ЧСК, как и доставке материалов в комиссию от аналогичных союзнических комиссий, помогало министерство иностранных дел России. ЧСК поддерживала контакты с родственными комиссиями союзников, а в июне 1917 г. даже поставила вопрос об организации международного совещания комиссий союзников “на предмет согласования фактических данных и выработки окончательных выводов относительно характера и значения нарушений с точки зрения международного права”. По данным ЧСК, “все издания находили живой отклик в прессе союзных и нейтральных стран”⁴⁵.

Кроме публикаций, ЧСК пыталась самостоятельно проводить разоблачение среди населения и армии “зверств” немцев и их сателлитов. Для этого использовались музей при ЧСК⁴⁶ и лекции, например для молодежной аудитории общества “Маяк”⁴⁷. ЧСК вела переговоры с кинофирмой Б.С. Глаголина “Русская Лента” об изготовлении фильмов для “популяризации материалов” комиссии⁴⁸. ЧСК пыталась использовать для распространения своих материалов и каналы православной церкви. В результате Синод в марте 1916 г. поручил епархиальным преосвященным “преподать благословение пастырям церкви, чтобы они в своих проповедях и беседах с прихожанами и воинами рассказывали о тех исключительных тяжелых условиях, в коих находятся наши военнопленные” с использованием трудов ЧСК⁴⁹. Но контакты ЧСК с религиозно-патриотическими журналами не получили развития⁵⁰.

Ограниченными оказались попытки ЧСК проникнуть в армию. Военное командование предпочитало самостоятельно использовать материалы ЧСК, не пропуская в армию представителей комиссии, часто представлявших свою деятельность как борьбу за “права человека” и “мир во всем мире”. В результате ЧСК дали возможность провести лекции для военных лишь в апреле 1916 г. и только среди гвардейских частей Петроградского военного округа⁵¹.

По воздействию на публику наиболее эффективным средством пропаганды, разоблачающей “зверства врага”, оказались конкретные примеры этих “зверств”. В материалах ЧСК фиксировались многочисленные действия противника, которые нарушали Женевскую конвенцию 1864 г., Петербургскую декларацию 1868 г. и Гаагские декларации 1899 и 1907 гг.

Среди преступлений противника по отношению к русской армии, совершенных на поле боя, назывались: применение разрывных, стеклянных, отравленных (иногда в сочетании с разрывным эффектом) пуль; использование удушливого, машинного и слезоточивого газов (непосредственно или с помощью снарядов и пуль); применение пуль и снарядов, начиненных горючим веществом, серной или синильной кислотой, серных зажигательных шпилек, огнеметов, отравленных штыков; разбрасывание неприятельскими летчиками бомб, начиненных мелким рубленным железом, предметов (палочек, папирос), начиненных взрывчатыми веществами; распространение в зоне боевых действий напитков и маринованных фруктов, отравленных ядами, предметов и продуктов, зараженных бактериями холеры, сапа и сибирской язвы; отравление сена,

⁴⁵ Обзор. Т. 1, с. IV; Обзор. Т. 2, с. II; РГВИА, ф. 13159, оп. 6, д. 1803, л. 93об.; д. 1807, л. 1, 3, 4, 5, 8, 9–9об.; д. 1825, л. 7; д. 1826, л. 44–48, 50; оп. 7, д. 116, л. 17, 23, 24, 57; д. 117, л. 7, 11–14, 150; ф. 12651, оп. 1, д. 1533, л. 8.

⁴⁶ Обзор. Т. 2, с. III.

⁴⁷ РГВИА, ф. 13159, оп. 6, д. 1825, л. 27, 32–32об.; д. 1892, л. 214–215об.

⁴⁸ Там же, д. 1892, л. 84–84об.

⁴⁹ Там же, д. 1803, л. 79–79об.

⁵⁰ Там же, д. 1825, л. 28–29.

⁵¹ Там же, оп. 7, д. 205, л. 18; ф. 2003, оп. 2, д. 9, л. 237–237об.

колодцев, рек; злоупотребление белым флагом, а также флагами других государств (например нейтральной Швеции); нанесение на немецкие самолеты русских опознавательных знаков, переодевание в форму русской армии, обстрел и взятие в плен парламентариев. На поле боя фиксировалось выставление пленных для прикрытия атаки, а после окончания боя – расстрел или добивание штыками, убийства, совершенные в том числе и санитарями, с помощью особых палиц сдающихся в плен и раненых русских воинов, надругательство над трупами (выставление трупа на кол между проволочными заграждениями или головы на колу плетня) или пленными (выставление раздетыми донага перед окопами).

Среди преступлений по отношению к пленным вне боевой обстановки отмечались неокказание помощи раненым, побои (в том числе смертельные), избиения, расстрел, сожжение, утопление, зарывание в землю по пояс, погребение заживо, истязание, растерзание, изуродование, изувечение пальцев рук, ног, ушей, носа, щек, языка, губ, половых органов, ослепление, прижигание тела, вырезание горла, груди, снятие скальпа, распятие. Среди преступлений в лагерях для военнопленных отмечались жестокое обращение, расстрелы, сожжение, отравление, принуждение к военным работам, вербовка для службы в собственной армии или армиях союзников, унижение офицеров (срезание погон, принуждение к работам). Фиксировались и действия, нарушающие неприкосновенность санитарных организаций: обстрелы, избиения, изнасилования сестер милосердия. По отношению к мирным жителям фиксировались ограбление, взятие в плен и на военные работы, жестокое обращение, включая избиения женщин и детей, изнасилование женщин, бомбежки местности, осквернение церквей и религиозных святынь⁵².

В материалах ЧСК в качестве доказательств “зверств врага” чаще всего назывались истязания солдат, оказавшихся в руках противника или в зоне боевых действий, или в плену. Дело сводилось к описанию нарушения “телесной неприкосновенности” русских солдат, по отношению к которым допускались “зверства” в виде изувечения, изуродования, истязания часто с мучительным, и, следовательно, бессмысленным умерщвлением. Редакторы трудов ЧСК не скупались на подробное перечисление различных видов истязания, которыми не гнушались заниматься вражеские офицеры, включая “офицеров генерального штаба”, и даже генералы противника. Особенно часто такие действия производились над казаками, которых противник приравнивал к бандитам и не рассматривал их как часть регулярных воинских формирований. По отношению к казакам практиковались и специфические издевательства, чаще всего – вырезывание на внешней стороне бедер полос в виде лампасов. Особенностью описаний было подчеркивание героического поведения русских солдат. Истязуемые отказывались выдавать военные тайны под самыми изощренными пытками, а на обещание получить “много золота” за сведения отвечали прибаутками типа: “Пошлите к нам в Россию 25 своих корпусов, и они в 25 лет не сосчитают, сколько у нас войска”.... Ночью в перерывах между страшными пытками герои рыли подкопы, а накануне смертной казни успешно бежали, проявляя невиданное удачество⁵³. Так же героически, несмотря на мучения, вели себя и жители, помогая русским солдатам в их борьбе “за Веру, Царя и Отечество”.

Если мученик погибал смертью героя, в дело шла его “агиография”, прославляющая и поясняющая мотивы героического деяния⁵⁴. Смешение героического и

⁵² Обзор. Т. 1–2. Пг., 1916; Россия. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев ведения войны австро-венгерскими и германскими войсками. Материалы (далее – Материалы). Вып. 1–45; РГВИА, ф. 13159, оп. 1–7.

⁵³ Описание истязаний Василия Водяного, Порфирия Панасюка, Ивана Пичуева, Алексея Макухи, Максима Коршунова, Семена Пилюгина и др. – Материалы. Вып. 1. Тетр. № 1–3; Вып. 2. Тетр. № 5; Вып. 3. Тетр. № 10; Вып. 4. Тетр. № 14, с. 8–10; Вып. 7, с. 4–5.

⁵⁴ Пример такой “агиографии” – Описание жизни и подвига героя-мученика крестьянина Стефана Веремчука. Пг., 1916; *Левитский К.И.* Стефан Веремчук: страдалец за веру, царя и

обыденного, ужасов и чудесных спасений создавало эффект вымышленности и даже комичности, что было обыграно журналом “Новый сатирик” в апреле 1916 г. в статье Б. Мирского (Б.С. Миркин-Гецевич) “Фабрика ангелов”. Сатирик собрал нелепые ужасы, опубликованные в изданиях ЧСК: отрезание кончика языка, “куска тела мало с ладонь”, помещение в специальный для пыток деревянный гроб, обитый внутри жестью с железными цепями и замком”. Журналист сравнивал подачу материала в официальных изданиях ЧСК с приемами бойкого продавца, “без устали торгующего в лавке и потешающего покупателей веселыми прибаутками”: “Что прикажете? Все, сударь, в нашем торговом доме имеется. Отрезанного язычка не желаете?... Самый свежий, последнего присыла... Вот, пожалуйста: пехотинцы за шею повешены, на поясах болтаются – лица страшные, черные, языки повиснуты. У одного солдата нос отрезан, у другого ухо, а у третьего глаза выколоты и в одном глазу германский штык торчит”. Статья сопровождалась описанием таких “зверств” противника, как посылка военнопленных в баню, где их вымыли, остригли и натерли мазью от вшей⁵⁵.

Памфлет Б. Мирского был охарактеризован ЧСК как “глумление”, “издевательство” над действиями комиссии “с явной целью подорвать доверие к ее изданиям”, как “покушение не только на правительство, но и на само государство”⁵⁶. Редакция “Нового сатирикона” утверждала, что в статье Мирского высмеивались только “беллетристические приемы неизвестного автора, “подошедшего... не с той стороны к такой серьезной, трагической и ответственной теме, как жестокие издевательства немцев над нашими солдатами”.

В качестве “правильной” антигерманской пропаганды “Новый сатирик” опубликовал карикатуру, изображавшую немецкую мясную лавку, торгующую колбасой из мяса павших немецких солдат. Другим примером “правильной” пропаганды “Нового сатирикона” стала статья о германском проекте перемальвания костей убитых на войне для удобрения полей и вываривания трупов собственных солдат для получения глицерина, необходимого для производства взрывчатых веществ⁵⁷.

В Петроградском военном округе не стали мириться с издевательствами Б. Мирского: 7 июня 1916 г. фельетонист был выслан из Петрограда⁵⁸.

Проблема критического восприятия “пропаганды зверств” существовала не только у представителей образованных классов, но и у простых солдат русской армии. Далеко не все показания бывших военнопленных соответствовали данной в материалах ЧСК картине мучений во вражеских концлагерях. Некоторые свидетели сообщали, что в лагерях не запирали камеры и бараки, оставляли деньги пленным (возмущение вызывал только несправедливый обменный курс!), заключенные хранили у себя карты, компасы, даже знамена боевых частей. При попытке бежать и даже нападения на часового с применением тяжелого предмета охранники лагерей ограничивались избиениями. Военнопленные могли жаловаться на неугодных старших по лагерю, которые подвергались аресту властью русского врача также из военнопленных⁵⁹. “Бежавшие из плена герои” не рвались на фронт, чтобы “отомстить за мучения”, как об этом сообщалось в пропагандистских брошюрах, а также в фиктивных письмах от лица военнопленных⁶⁰.

отечество. Житомир, 1916; *Ромефор Н.И. де*. Светлой памяти Стефана Веремчука. Пг., 1916.

⁵⁵ “Новый сатирик”, 1916, № 17, с. 3; РГВИА, ф. 1343, оп. 6, д. 45, л. 87-а.

⁵⁶ РГВИА, ф. 13159, оп. 6, д. 1803, л. 83об.; Там же, ф. 1343, оп. 6, д. 45, л. 88–92об.

⁵⁷ “Новый Сатирик”, 1916, № 21, с. 9; Волчьи ягоды. Полезные мертвецы. – “Новый сатирик”, 1916, № 16, с. 5.

⁵⁸ РГВИА, ф. 1343, оп. 6, д. 45, л. 93.

⁵⁹ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 1526, л. 203–205об.; ф. 2003, оп. 2, д. 9, л. 431–431об.; Svenska Dagbladet, 29.VIII.1915 г.; РГВИА, ф. 13159, оп. 6, д. 1826, л. 58а–72об.

⁶⁰ Там же, д. 1892, л. 12–14, 47–48об., 141–148; ф. 2000, оп. 1, д. 6452, л. 37–49; ф. 2019, оп. 1, д. 557, л. 40, 42, 43, 47, 49; д. 739, л. 86–90; ф. 2106, оп. 1, д. 832, л. 3, 5–6; *Астаиов А.Б.* Указ. соч., с. 82, 356–357.

Ослабляли эффективность пропаганды, разоблачающей “зверства” врага, факты нарушений законов и обычаев войны со стороны самой русской армии, о чем свидетельствуют материалы военной цензуры, судебных следствий, штабной переписки. Это касалось, например, применения разрывных пуль, в чем противники России неоднократно ее обвиняли и что косвенно признавала ЧСК⁶¹. Россия также применяла химическое оружие в виде снарядов с отравляющими газами, в частности во время Брусиловского прорыва. Применение же во время газовых атак газа из баллонов затруднялось не уважением к международным законам, а техническими, климатическими, организационными причинами⁶². Применение немцами боевых отравляющих веществ выглядело в глазах русских солдат особенно “варварским” в связи с неспособностью русской армии организовать эффективную противогазовую защиту⁶³.

Ряд нарушений законов и обычаев войны со стороны русской армии являлись следствием низкой дисциплины в ее рядах. Одним из видов воинских преступлений являлось мародерство, отражавшее менталитет крестьянского в своем большинстве состава русской армии с ее представлениями о “полезности” войны в виде захваченных “трофеев”. Мародерство было связано и с другим видом преступления – грабежами населения на захваченных землях. Главком Николай Николаевич считал случаи мародерства “позорным для русской армии явлением” и повелел в декабре 1914 г. его “в корне уничтожить в кратчайший срок и притом беспощадно”. Особенно его возмутили сообщения о мародерстве санитаров в отношении своих же солдат, причем как убитых, так и раненых. Вопрос о мародерстве поднимался и в Государственной Думе. Согласно докладу депутата М.А. Караулова, направленного царю и Главкому, “мародерство и в нашей доблестной Армии получило значительное распространение”. Караулов обвинял в этом и военные власти на местах как участников грабежа жителей путем “реквизиций”⁶⁴.

Современный российский историк И.В. Нарский, ссылаясь на немецкого коллегу Д. Шумана, видит причину особых “зверств” на Восточном фронте в маневренном характере войны. Это обуславливало большую активность солдат и придавало большее по сравнению с Западным фронтом значение “индивидуальному использованию оружия, собственноручному убийству”, что “развивало жестокость в солдатах” и определило всплеск насилия в 1917 г. и потом в гражданской войне⁶⁵.

Однако для таких утверждений не хватает фактических данных. Активность Русского фронта была эпизодической и неравномерной по участкам. Из 40 месяцев войны на активные наступательные действия на Северном, Северо-Западном и Западном фронтах пришлось 6% времени, на оборонительные – 18%, а на позиционное “бездействие” – 76%. На Юго-Западном фронте на активные действия пришлось 27%, на оборону – 18%, и остальное – на “бездействие”⁶⁶. С другой стороны, даже в условиях позиционной войны в период “сидения в окопах” шли активные боевые действия так называемой “малой” войны, полной столкновений, обстрелов и ожесточенного противоборства. Маневренная война при частом непосредственном контакте с противником вела не только к взаимным атакам и контратакам, а следовательно, к “зверствам”, но

⁶¹ Там же, ф. 13159, оп. 6, д. 1803, л. 140об.

⁶² Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 375, л. 16, 242, 247, 375, 769–772об.

⁶³ Там же, л. 10, 400–401об.; *Михеев С.* Военно-исторические примеры. М.,- Л., 1928, с. 153.

⁶⁴ Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 1067, л. 54, 83–85, 87–87об.; ф. 2070, оп. 1, д. 365, л. 24; ф. 16142, оп. 2, д. 14, л. 448–448об.

⁶⁵ *Нарский И.В.* “Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...”. Фронтовой опыт русских солдат в “германской” войне до 1917 г. – Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007, с. 493; *Shumann D.* Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit. Eine Kontinuität der Gewalt. – *Journal of Modern European History*, 2003, № 1, S. 32.

⁶⁶ *Гордеев Ю.Н.* Построение и ведение обороны русскими армейскими корпусами в первой мировой войне 1914–1918 гг. Автореферат дисс. на соискание уч. степени к.и.н. М., 1999, с. 3–4.

и к взаимной сдаче в плен, даже по договоренности, а порою и к братаниям, что наблюдалось в конце 1914 – начале 1915 г. на Русском фронте⁶⁷. Позиционная война и в принципе не исключает жесточенности и встреч с противником “лицом к лицу”. Это относилось и к русским солдатам, тяжело переживавшим “сидение в окопах”. В этом смысле встречи с противником “лицом к лицу” являлись всего лишь элементом яростного, открытого, активного боя, как дополнение позиционной войны, а не противопоставление ей. Встречи с врагом “лицом к лицу” никогда не описывались в солдатских письмах как тягостные, негативные моменты боевой повседневности. Скорее в таких столкновениях солдаты-крестьяне ощущали определенный смысл и пользу. С другой стороны, жестокость на Русском фронте со стороны русской армии вызывалась нетерпением, страстным желанием русских солдат окончить войну. Вал злобных настроений по отношению к противнику наблюдался во время сидения в окопах весной 1916 г. накануне наступления, когда солдаты желали “побольше венгерской крови”, “клялись не брать немцев в плен”, рвались в бой, так как “надоело сидеть без дела и тянет в драку”⁶⁸.

Подобные настроения в боях лета 1916 г. приводили к массовым избиениям солдат, сдающихся в плен на поле боя, добиванию раненых, похоронам заживо тяжело раненных воинов, включая и своих⁶⁹. Важным было и то, что у каждого из противников был свой взгляд на “зверства врага”. Русские видели “зверства” германской армии именно в методичном применении техники, особенном упорстве, “варварских” приемах борьбы: газовых атаках, применении огнеметов. Немцы же видели “варварскую” жестокость русских в нерациональном использовании живой силы: рукопашных и штыковых атаках, хождении “в лоб” на пулеметы. Еще труднее доказать преобладание жестокостей на Восточном фронте по сравнению с Западным фронтом Первой мировой войны: для этого должны быть подсчеты, основанные на приемлемой методике.

Какими бы жестокости противника ни проявлялись на поле боя, или же разоблачались с помощью материалов ЧСК, эти “зверства” не выглядели столь впечатляющими по сравнению с реальными тяготами войны, невыносимыми страданиями, смертью, ранами, холодом, голодом, палочной дисциплиной в армии, издевательствами над голыми семьями в тылу.

После Февральской революции 1917 г. на первое место выходил “внутренний враг”, что потребовало обнаружения новых “зверств”: заговорили о “кронштадтских зверствах” моряков, расправлявшихся с офицерами, после апрельских демонстраций в ЧСК стали расследовать “зверства ленинцев”, якобы имевших в своем арсенале отравленные пули⁷⁰, все чаще фигурировали “зверства буржуазии”, ввергнувшей страну в “империалистическую войну”. Авторитет ЧСК все более утрачивался, в то время как набирали силу новые чрезвычайные органы, расследовавшие преступления царского режима (ЧСК Н.К. Муравьева). Именно туда стали писать свои жалобы о “зверствах” войны бывшие военнопленные, солдаты с фронта, путая врага внешнего с внутренним. Вскоре Всероссийское общество помощи военнопленным в качестве “жертв войны” поставило вопрос об “уплотнении”, а затем и о выселении ЧСК из здания Сената. Закрытая 24 ноября 1917 г. по декрету СНК о суде, ЧСК прекратила работу на последнем заседании 12 июня 1918 г.⁷¹ Дела комиссии были сданы в архив.

⁶⁷ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 784, л. 2, 9–9об., 97–97об., 118, 119, 157об., 163–164, 176–177об., 185–185об., 308, 591об.; ф. 2000, оп. 15, д. 544, л. 592; д. 561, л. 24, 143; оп. 1, д. 7981, л. 34; д. 8014, л. 471–471об.; ф. 16142, оп. 2, д. 14–30; ф. 2048, оп. 1, д. 904, л. 26–29; ф. 2067, оп. 1, д. 3963, л. 501.

⁶⁸ Там же, ф. 2067, оп. 1, д. 2932, л. 49, 323; ф. 2122, оп. 1, д. 967, ч. 2, л. 382.

⁶⁹ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 544, л. 26; ф. 2067, оп. 1, д. 2932, л. 59об., 153, 198, 228, 293, 375; д. 3863, л. 4; ф. 2148, оп. 1, д. 800, л. 59; ф. 2122, оп. 1, д. 967, ч. 2, л. 346об., 375, 382, 426об., 427.

⁷⁰ Там же, ф. 13159, оп. 7, д. 131, л. 1–2об., 4, 35.

⁷¹ Там же, оп. 6, д. 1803, л. 147, 150; оп. 7, д. 222, л. 10.